

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА ПОСЛЕ
ССЫЛКИ *1826 – 1830 ГГ.*

Пушкина привезли во дворец Николая I. Великий русский поэт, покрытый дорожной пылью, иззябший в пути, не совсем здоровый, отбывший шестилетнюю ссылку, стоял перед молодым императором, еще не коронованным (Николай приехал в Москву на коронацию), но уже подавившим восстание против самодержавия. На вопросы царя Пушкин отвечал смело и честно...

Беседа продолжалась более часа. “Что бы вы сделали, если бы 14 декабря были в Петербурге?” — спросил царь. “Был бы в рядах мятежников”, — твердо ответил Пушкин. За одни эти слова поэт подлежал суровому наказанию. Но царь понял: перед ним стоит великий поэт, известный всей России, очень умный, прямой и смелый. “Я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России”, — сказал Николай вечером одному сановнику. Уничтожить Пушкина ему, самодержцу, легко, но не выгоднее ли попробовать” заставить поэта служить самодержавной власти? Так думал царь. И он лицемерно позволяет Пушкину жить, где он хочет, сам берется просматривать его рукописи, освобождая от цензуры; он прощает дарение слова. Пушкин ошеломлен. Долго раздумывает поэт. Дворянское восстание подавлено. Лучшие люди повешены или сосланы. Надежд на новый подъем общественного движения нет никаких. Народ молчит. Вся власть в руках Николая. Он освободил из ссылки. Он обещает дать свободу. Он позволяет печататься без цензуры. А нельзя ли повлиять на него? Может быть, он станет хорошим монархом, просвещенным, свободомыслящим, гуманным царем-реформатором!

Царь сумел посеять иллюзии в душе измученного Пушкина. Поэт не был республиканцем. Подобно многим западным мыслителям, он ненавидел деспотизм неограниченной монархии, но верил в возможность идеальной монархической власти. Таким идеалом разумного монарха был для него Петр Великий. Пушкин скоро после свидания с Николаем пишет “Стансы”. Он рисует величественный образ Петра, который “не презирал страны родной”, “смело сеял просвещение”, был “то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник” и всегда “да троне вечный был работник”. В заключительных стихах Пушкин мужественно дает совет царю:

Семейным сходством будь же горд;

Во всем будь пращуру подобен:

Как он, неутомим и тверд,

И памятью, как он, незлобен.

В этих “Стансах” была целая программа общественно-политических реформ, изложенная в иносказательной форме. В других “Стансах”, 1826 года, мы читаем:

Беда стране, где раб и льстец

Одни приближены к престолу,

А небом избранный певец

Молчит, потупя очи долу.

Бенкендорф в сентябре 1826 года писал ему: “Сочинений Ваших никто рассматривать не будет — на них нет никакой цензуры: государь-император сам будет первым ценителем произведений Ваших и цензором”. А когда Пушкин прочел свою новую трагедию “Борис Годунов” в ряде литературных кружков Москвы, тот же Бенкендорф запрашивал его, на каком основании он допустил такую вольность? Царь вскоре предложил переделать гениальную трагедию “в историческую повесть или роман наподобие Вальтер-Скотта”. Пушкин отказался. Трагедия была напечатана полностью только через несколько лет. В 1827 году Государственный совет установил и обычную цензуру для произведений поэта.

Даже появление Пушкина на балу у французского посланника в 1830 году во фраке вызывает неудовольствие царя. Он приказывает ему через шефа жандармов надевать в подобных случаях мундир.

Все это мучает Пушкина, унижает и оскорбляет его. “Я желал бы сделать путешествие, — пишет с отчаяния поэт Бенкендорфу в 1830 году, — либо во Францию, либо в Италию. Однако, если мне это не будет дозволено, я просил бы разрешения посетить Китай с отправляющейся туда миссией”.

На все эти просьбы последовал отказ.

Император и его сановники хотели, чтобы Пушкин стал их поэтом, в своих дивных стихах прославлял их дела, пропагандировал их идеи.

Но совсем иначе, чем царь и его окружающие, встретили вернувшегося из ссылки поэта широкие общественные круги Москвы и Петербурга. “Завидую Москве, — писал старый писатель В. В. Измайлов Пушкину в сентябре 1826 года. — Она короновала императора, теперь коронует поэта”.

Когда он появился в театре, все лица, все бинокли повернулись к нему.

Где бы он ни появлялся, всюду он становился в центре общего внимания.

В первый же день знакомства известная в столичном обществе красавица, княгиня Зинаида Волконская пропела ему кантату Геништы на слова элегии “Погасло дневное светило”. В салоне Зинаиды Волконской, где, по определению Вяземского, “все носило отпечаток служения искусству и мысли”, Пушкин встречался с виднейшими художниками и литераторами, профессорами и журналистами.

Здесь в 1827 году Пушкин встретился и с женой декабриста Волконского, Марией Раевской, с которой в далекие дни южной ссылки он проводил часы на берегу моря, влюбленный и восторженный. Она ехала к мужу, сосланному в Сибирь. Поэт восхищался женами декабристов. Они ради своих мужей покидали привычную обстановку, рвали с обществом, теряли свое положение в свете — их не пугала глухая Сибирь. Пушкин рассказывал Волконской о своих планах: он собирается написать сочинение о Пугачеве, для изучения материала должен поехать на Урал, а затем, может быть, заглянуть и на Нерчинские рудники, где работали ссыльные декабристы. Пушкин не успел передать с Волконской своего “Послания в Сибирь”. Это стихотворение он переслал с женой Никиты Муравьева. Мужественный поэт смело говорил узникам Николая I: “Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье”, бодро надейтесь на лучшие времена, “желанная пора” придет.

В декабре 1828 года на балу в Москве Пушкин увидел девушку шестнадцати лет в белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, скромную и стыдливую. Она поражала всех своей классической красотой. Это была Наталья Николаевна Гончарова. Пушкина познакомили с ней. Она держалась застенчиво и робко. Пушкин стал бывать в семье Гончаровых. Долго он добивался руки Натальи Николаевны. “Он прикован, очарован, он совсем огончарован”, — шутил над ним брат. Только 6 апреля 1830 года предложение поэта было принято.

В это время слава Пушкина — первого поэта России — гремела по стране и далеко за ее пределами.

1 мая 1829 года Пушкин выехал из Москвы в Грузию, направляясь в действующую русскую армию: он ехал на свидание с сосланными декабристами, не спросив разрешения у начальства. Пушкин снова увидел Кавказ, где он бывал в дни своей южной ссылки в 1820 году.

Кавказ подо мною. Один в вышине

Стою над снегами у края стремнины:

Орел, с отдаленной поднявшись вершины,

Парит неподвижно со мной наравне.

---

26 мая Пушкин приехал в Тифлис. Русская и грузинская интеллигенция встретила его восторженно. В виноградном саду за рекой Курой был устроен праздник в его честь. Весь сад был освещен разноцветными фонариками. Было шумно и весело. Томная персидская песня переходила в огненную лезгинку; декламацию стихов Байрона сменил имеретинский импровизатор с волынкой. Провозгласили заздравный тост в честь поэта. Грянул оркестр. На Пушкина надели венок из цветов, посадили на кресло и высоко подняли при криках “ура”. Присутствующие подходили к русскому поэту и благодарили его кто как умел от лица современников и потомков. На глазах Пушкина сверкнули слезы.

Пушкин заговорил: “Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего... Я вижу, как меня любят, понимают и ценят, — и как это делает меня счастливым!”

Скоро Пушкин отправился дальше. 13 июля у крепости Гергеры он встретил простую арбу с телом Грибоедова. Русского посла и великого художника убили в Тегеране. Грустно стало Пушкину. “Не думал я встретить уж когда-нибудь нашего Грибоедова!” — записал он.

Наконец Пушкин приехал в лагерь действующей армии. Брат и старые знакомые, среди которых были и разжалованные в солдаты декабристы, обступили его. Поэт участвовал в перестрелке с врагами, а однажды вскочил на лошадь, схватил пику и устремился против неприятельских всадников.

В конце сентября 1829 года поэт вернулся в Москву. При прямом покровительстве правящих кругов некоторые журналы стали травить Пушкина. Когда в начале 1830 года появилась гениальная VII глава “Евгения Онегина”, продажный журналист Булгарин писал: “Ни одной мысли в этой водянистой VII главе. Ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения. Совершенное падение”. Булгарин оказался не одинок...

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе Грядущего волнуемое море, —

писал Пушкин.